

УДК 82.09

ББК 83.3(Рос=Рус)2-8Булгаков М.

Е.А. Яблоков, Б. Дооге**ПО СЛЕДАМ «ЯПОНЦЕВ»
(ЗАРУБЕЖНЫЕ
РОДСТВЕННИКИ
МИХАИЛА БУЛГАКОВА)**

Статья посвящена одной из ветвей рода М.А. Булгакова – семье его дяди Петра Ивановича Булгакова, который с 1906 г. служил священником в Токио, а в 1924 г. эмигрировал с женой Софьей Матвеевной в Калифорнию (США), где провел остаток жизни. Туда же из России переселились их сыновья Константин и Николай, которые в 1910-х гг. учились в Киеве и жили в семье Булгаковых. Константин Булгаков был одним из близких друзей юности Михаила Булгакова.

В основу исследования положены материалы из частных и государственных архивов России и США. Они позволяют существенно уточнить историю булгаковского рода. В научный обиход вводится ряд доселе неизвестных документов.

Ключевые слова: М.А. Булгаков, биография, история семьи, русская эмиграция.

Яблоков Евгений Александрович – докт. филол. наук, независимый исследователь
Тел.: (499) 143-04-86
E-mail: ejablokov@mail.ru

Дооге Бен – докт. философии, преподаватель кафедры славянских и восточно-европейских исследований философско-филологического факультета Гентского университета (Бельгия)
Тел.: +329-52-52-41-55
E-mail: Ben.Dhooge@UGent.be

© Яблоков Е.А., Дооге Б., 2012.

Каждому, кто знаком с историей семьи М.А. Булгакова, известно словосочетание «Костя и Коля “японцы”». Так называли двоюродных братьев будущего писателя: их отец Петр Иванович Булгаков (брат Афанасия Ивановича, отца М. Булгакова) в течение долгого времени служил священником в Японии, а сыновья несколько лет жили в семье Булгаковых в Киеве. Этой «японской» (точнее, «японо-американской») ветви булгаковского рода и посвящена наша статья. При ее подготовке использованы письма и другие документы, хранящиеся в частных и государственных архивах: Государственном архиве Российской Федерации, Российской государственной библиотеке, архиве Голливуд-Боула (Калифорния, США), архиве Союза музыкантов «Local 47» и др.

История семьи началась весной 1890 г., когда Петр Иванович Булгаков (род. 1862) женился на Софье Матвеевне Позднеевой (род. 1866). Оба они происходили из многодетных семей орловских священников, причем дети этих семей были не просто знакомы друг с другом, но вместе учились, всю жизнь общались и переписывались. К моменту женитьбы П. Булгаков получил звание кандидата богословия, преподавал в петербургских учебных заведениях; после женитьбы служил в Белгороде помощником смотрителя духовного училища. Летом 1901 г. брат Софьи, известный ученый-востоковед А.М. Позднеев, посоветовал зятю переехать с семьей на Дальний Восток. 8(21) сентября 1901 г. семья прибыла во

Владивосток, где П. Булгаков стал законоучителем в Восточном институте и гимназии, принял сан священника. В 1906 г. его назначили священником посольской церкви в Токио.

У Софьи и Петра Булгаковых было пятеро детей: двое умерли в раннем возрасте; дочь Женя, жившая с родителями в Японии, в 12 лет (1915) скончалась от менингита. До взрослого (даже преклонного) возраста дожили два сына: Константин (30 апреля (12 мая) 1894, Орел – 20 октября 1985, Эль-Пасо) и Николай (6(18) октября 1898, Белгород – 18 февраля 1983, Голливуд).

Старший получил первоначальное образование дома. Младший (впоследствии он станет музыкантом и композитором) с раннего детства обнаружил тягу к музыке. В письме 1902 г. С. Булгакова рассказывает про сыновей: «Костя учится со мной, а потом бегаёт по двору за Колей. Колечка не отстаёт в проказах за Костей. Очень любит служить за батюшку. Они всегда ходят в церковь и знают много из богослужения и распевают целые дни». В 1903 г. Константина отдаёт во владивостокскую гимназию; когда началась Русско-японская война и мать с детьми уехала в Центральную Россию, он учился в Орле, потом снова во Владивостоке. В этом же городе в 1909 г. поступил в гимназию Николай; через некоторое время он уехал к родителям в Токио.

Однако родители решили, что для полноценного овладения русским языком детям лучше учиться в России. Варвара Михайловна Булгакова, к которой прислали двух «японских» племянников, жила в Киеве с семьёю детьми – муж Афанасий Иванович умер в марте 1907 г., и она в 36 лет осталась вдовой. Её дочь Надежда (по мужу Земская) вспоминала: «Наша мать славилась среди родных и знакомых <...> как великолепная воспитательница. И вот один из братьев отца, который служил в Японии, привёз матери своих двоих сыновей и попросил их взять в нашу семью, потому что он хотел дать своим сыновьям русское образование. Там не было полных русских гимназий» [Земская, с. 79–80]. Константина отправили в Киев в 1910 г., в последний класс; в 1911 г. он получил аттестат зрелости. Николай оказался в Киеве в 1913 г. и в 1917-м окончил Александровскую гимназию – где учились также киевские кузены, в том числе (1901–1909) Михаил Булгаков.

Кстати, «японцы» были не единственными «воспитанниками» Варвары Михайловны; в 1910-х гг. в киевской семье поселилась дочь другого брата А.И. Булгакова – Михаила Ивановича, жившего в Холме Люблинской губернии (ныне польский город Хелм): Илария (Лиля) училась в Киеве на Высших женских курсах. Таким образом, на втором этаже дома 13 по Андреевскому спуску в предвоенные годы оказалось ровно десять разновозрастных (1891–1902 годов рождения) детей.

В 1912 г. старший из «японцев» поступил в киевский Политехнический институт. В воспоминаниях Татьяны – первой жены М. Булгакова – Константин предстает не очень симпатичным: «...он был такой с виду мрачный, но Михаила очень любил, а меня терпеть не мог. Такой неповоротливый, все делал медленно, все всегда забывал... совсем не во-

енный человек» [Кисельгоф, с. 31]. К. Булгаков был одним из ближайших друзей будущего великого писателя, хотя это нисколько не мешало Михаилу сочинять на Константина эпиграммы [Земская, с. 90–91]. Сохранился и нарисованный М. Булгаковым в начале 1910-х гг. карикатурный комикс «Tempora mutantur, или Что вышло из того, который женился, и из другого, который учился» [Там же, на вкладке]. Впрочем, автор рисунка (и впрямь женившийся в 1913 г.) вполне самокритичен: себя он представляет неуклонно деградирующим от возраста к возрасту, в то время как «учащийся» Константин делает блестящую карьеру чиновника и фактически содержит непутевого брата.

Младший «японец», Коля, с детства проявлял музыкальные способности – которые, впрочем, были присущи практически всем Булгаковым. 12 октября 1913 г. «киевский» Николай пишет сестре Надежде (подразумевая, в частности, кузена-тезку): «...мы все трое – Коля, Ваня и я, взяли себе в гимназии балалайки. Коля – бас, я – альт, а Иван – секунду. Но Ваня скоро переменял балалайку на виолончель, на которой думает учиться» [Земская, с. 198].

Иногда братья отправлялись «домой» – в Японию. 23 марта (5 апреля) 1914 г. С. Булгакова сообщает родственникам: «Костя летом должен ехать на обязательную геофизическую практическую поездку. Мы зовем его к себе после этой практики. Он писал, что может приехать, выехавши к нам в начале июля». Но случилось так, что на следующий день после прибытия Константина в Токио Россия вступила в мировую войну. И 23 августа (5 сентября) С. Булгакова пишет: «К нам приехал один Костя 18 июля и скоро уже едет обратно. <...> Из Киева получаем письма. Варвара Михайловна со всеми в Буче, собственная дача на 3 станции от Киева. Сготовились на случай необходимости выехать из Киева куда-либо вовнутрь России, Орел, Карачев или Москву, как пишет Варвара Михайловна. Девочки ее все собрались в сестры милосердия, но она позволила только старшей Вере слушать курсы сестер милосердия, Наде посоветовала продолжать курсы свои в Москве, а 3-я, Варя, тоже подавала прошение в сестры милосердия, но ей отказали. Мальчики тоже собрались на войну в добровольцы, но тетя Варя усадила их за каникулярные работы. Относительно старшего сына Михаила (женатого медика) ничего не пишет, верно, пойдет на войну, еще не вернулся из Саратова, куда поехал к родным жены».

Жизнь в России становится все труднее; приходится помогать не только деньгами, но и «натурой». В письме 12(25) февраля 1917 г. П. Булгаков рассказывает: «...в прошлом году нам три раза представлялась “оказия”, при помощи которой мы снабдили Киев и Орел сапогами и башмаками. <...>...наш Константин в Киеве отмочил еще лучше штуку. Николай и племянники прислали нам мерки для пошивки обуви. А Константин Петрович сего не соблаговолил. Полагая, что размер его ноги тот же, что и Николая, мы выслали две пары одинакового размера. И теперь Константин пишет, что нога Николая гораздо больше и ботин-

ки, сшитые для Николая, Константину очень велики. Вот и вышло, что у догадливого две пары, а у несообразительного нет ни одной».

Между тем, надвигается новая эпоха. Февральскую революцию отец «японцев» встречает с энтузиазмом – 19 марта (1 апреля) 1917 г. он пишет В.М. Булгаковой и всем «киевлянам»: «Христос Воскресе. Дорогие Варвара Михайловна, племянники и племянницы, поздравляю вас с праздниками. Когда вы получите это письмо, то праздники, наверное, пройдут. Но не пройдет, а только начнет развиваться воскресающая Россия, которая только что сбросила с себя прогнившую кровлю и начинающая (так в тексте. – Е.Я., Б.Д.) строить новую жизнь по началам свободы труда и независимости личности. Вот с этим я особенно поздравляю вас, и прежде всего молодежь, которой придется работать при условиях, которых нам недоставало. А этот недостаток являлся страшной помехой при работе».

Вместе с тем, несмотря на физическую «отдаленность» от происходящего, П. Булгаков отчетливо различает в российской действительности настораживающие тенденции. 20 августа (2 сентября) 1917 г. он пишет: «Исполнилось наконец то, о чем мечталось со дней самой ранней юности. Но как все это идет не в том направлении, в каком бы желалось видеть все новое. Я лично все неудачное направление новой жизни объясняю ленью и тем, что мы – русские – еще не видали истинно народного горя и не знаем, каково оно. Для меня, например, совершенная неожиданность то безделье в столицах и других городах России, про которое в один голос сообщают все издания, без различия партий».

Самого же автора письма никак не упрекнешь в отсутствии трудолюбия и предприимчивости. 8(21) октября 1917 г. он рассказывает: «Началась в России новая жизнь. Всюду говорят и мало делают. И после долгого раздумья решил заняться какой-либо реальной работой, спуститься из области “филологии” в реальную и заняться чем-либо таким, чему бы я мог обучать детишек, если Господь Бог приведет на родину. А это вполне возможно. Долго я выбирал, на чем остановиться, и решил было заняться трамваями, благо эта работа в Японии стоит на значительной высоте. Но здесь подвернулся один русский офицер из техников, потерявший в походе ногу и присланный сюда для приема казенных заказов. Сей господин посоветовал мне заняться автомобилями, причем дал мне и руководство. <...> Таким образом, и я начал учиться, чем доволен невыразимо. И заранее прошу домовладелицу зачислить меня в кандидаты для службы в ее автомобильном гараже».

Поистине нетривиальный выбор для 55-летнего православного священника! В судьбах его детей тоже грядут перемены. Окончив гимназию, младший «японец» навсегда покидает Киев и отправляется в столицы. Осенью 1917 г. Николай в Петрограде поступает в Технологический институт, однако вскоре уходит отсюда и некоторое время учится в воздухоплавательной школе в Москве. Но, видимо, ситуация в большевистской России не вызывала энтузиазма; в 1918 г. он возвращается к родителям – а из Японии движется еще дальше на восток, в США, где

в 1919 г. становится студентом инженерного факультета Калифорнийского университета. Окончив его, Н. Булгаков в 1923 г. получил звание бакалавра машиностроения.

Константин же по-прежнему обитал в доме на Андреевском спуске. В марте 1918 г. Киев заняли германские войска; тогда же (после полутора лет службы уездным врачом в Смоленской губернии) в родной город вернулся Михаил Булгаков с женой Татьяной. Теперь они вновь живут под одной крышей с Константином и другими родственниками. В сентябре 1919 г. М. Булгаков отправился из Киева в Добровольческую армию; известно, что вскоре он случайно встретился в Ростове с Константином [Кисельгоф, с. 73], – видимо, тот покинул Киев еще раньше и также был в Белой армии. 30 декабря 1920 г. В.М. Булгакова сообщает Н. Земской, что Константин в Феодосии [Земская, с. 132]. А 1 февраля 1921 г. М. Булгаков в письме (из Владикавказа) напоминает ему: «Мы расстались с тобой приблизительно год назад» [Булгаков, с. 11] – возможно, К. Булгаков некоторое время находился на Кавказе.

Но в 1921 г., судя по письмам М. Булгакова, Константин уже в красной столице. 7 октября 1921 г. его мать сообщает брату В.М. Поздневу: «Мы здоровы и благополучны. Коля учится на 3 курсе в Америке. От Кости имели последнее письмо 7 октября 1921 г. <...> Мы получили письмо от Миши (сын Варвары Михайловны) из Батума, он написал, что Костя в Москве». В сентябре 1921 г. сам М. Булгаков приезжает на постоянное жительство в столицу и здесь встречается с двоюродным братом. Т. Кисельгоф вспоминала: «...в Москве, в 1921 году, он несколько раз заходил. Еще подарил Михаилу бумазейковую такую пижаму. И вот неожиданно Костя исчез и объявился уже в Англии или еще где-то за границей» [Кисельгоф, с. 31].

Впрочем, до эмиграции К. Булгаков еще около трех лет жил в Киеве, причем родители в Японии долго не имели о нем сведений. 27 февраля 1922 г. С. Булгакова пишет В. Поздневу: «Про Костю своего мы ничего не знаем уже 1,5 года. <...> Главная служба Петра Ивановича окончилась. Но у него есть уроки». 12 мая 1922 г. она сообщает родственникам: «Костя по письму от января 1922 г. в Киеве». Хорошо знавший иностранные языки Константин служил переводчиком в АРА (American Relief Administration) – организации, оказывавшей гуманитарную помощь населению СССР, пострадавшему от голода 1921–1922 гг. После ее ликвидации, видимо, стал подумывать о возвращении к родителям. Однако в начале сентября 1923 г. в Японии произошло сильнейшее землетрясение; и спустя примерно полтора месяца, 18 октября, М. Булгаков записывает в дневнике: «Сегодня Константин приехал из Петербурга. Никакой поездки в Японию, понятное дело, не состоится, и он возвращается в Киев» [Булгаков, с. 57]. В итоге К. Булгаков покинул СССР нелегально – по информации И. Карум (племянница М. Булгакова, дочь его сестры Варвары), «летней ночью 1924 года тайно бежал в Польшу: он хотел соединиться в США со своими родителями и братом Николаем» [Земская, с. 251].

К тому времени отец «японцев» перестал исполнять обязанности священника, причем это произошло еще до землетрясения, уничтожившего Воскресенский собор в Токио, где он служил. 23 июля 1924 г. Софья и Петр Булгаковы навсегда покинули Японию и 7 августа прибыли в Сан-Франциско. Из-за неверно оформленных (по вине американского консульства) виз пребывание в США началось для них с тюремного заключения, продолжавшегося около месяца; но это их не обескуражило. Вместе с сыном Николаем родители поселились в Окленде (Калифорния). В написанных осенью 1924 г. письмах П. Булгаков с энтузиазмом рассказывает, что служит в... газелиновой будке – т.е., выражаясь современным языком, на бензоколонке. Яркое представление о неординарном характере этого человека дают фрагменты его письма племянницам 1 ноября 1924 г.:

«Еще в автомобильной школе, при разборке автомобилей мне бросилось в голову поразительное сходство этой машины с человеком. Держусь этого мнения и теперь. У одного расстраивается желудок. Ему нужно дать или слабительное, или же закрепляющее средство. Другому хотелось есть, третьему пить, четвертому прифрантиться, пятому понадобились очки, у шестого неладика с сапогами и т.д. Мы с обычной любезностью принимаем гостей: одного кормим маслом, другого поим водою или бензином, третьего поднимаем на (пропуск слова. – Е.Я., Б.Д.) и очищаем ему переполненное или болющее несварением брюхо, четвертому надеваем сапоги или калоши (шины), у пятого не в порядке сердце – меняем батареи, словом, кипим в котле. А какая разнообразная публика: вот бабулька в автомобиле, на котором катался еще сам Адам. Бабушка везет на базар молоко, яйца и т.п. снедь. А вот влетает изящная колясочка: шофер такая же изящная дамочка и первым делом сует газету со своим портретом: оказывается, едет от самого Атлантического океана, у берега которого взяла первый приз как плавальщица. Короче, поздравляем. А вот компания забулдыг, пьяных вдрызг: в Штатах “сухой” закон, а потому пьяных немало. И пр. и пр. <...> Как я благодарю себя за то, что учился в автомобильной школе, а затем работал в мастерской при школе же. Теперь на нашей станции являюсь весьма и весьма великим помощником при разборке и сборке автомобильных батарей, при починке шин, при смазке, мытье и полировке автомобилей. Но ничто так меня не утешает, как сознание, что ем свой кусок хлеба не даром. Это сознание прямо делает меня счастливым».

П. Булгаков убеждает родных и знакомых в благотворности физического труда – например, 22 ноября 1924 г. пишет некоему священнику отцу Диодору: «Как только в Тоокео была получена телеграмма о революции в России и я получил сознание, что свободный гражданин, то немедленно поступил в автомобильную школу, благо знал японский язык. “Истинные православные” христиане смеялись надо мною и говорили, что я сошел с ума. Но я не обращал на это никакого внимания и благодарю Бога, вразумившего меня. <...> И я настойчиво советую Вам заняться каким-либо рукоеслом для получения возможности заработать»

кусок хлеба. С этим знанием Вы нигде не потеряетесь. То правда, что наше спасение <в> Боге. Но не в Православии: Православие нас не спасло и не спасет. Господь спасет нас лишь в том случае, если мы будем исполнять его волю. А Его воля весьма часто шла вразрез с тем, чему нас учили православные епископы разных рангов».

Впрочем, дела на бензоколонке шли все же не очень хорошо – об этом мы узнаем из письма П. Булгакова от 23 декабря 1924 г. К тому же вновь ничего неизвестно о старшем сыне. Как мы помним, Константин Булгаков покинул СССР летом 1924 г., но и через полгода после этого родители еще не имеют о нем сведений. Временами они получали информацию окольными путями – например, через «киевского» Николая Булгакова (младшего брата писателя), воевавшего в Белой армии, а в 1920-х гг. жившего в Загребе, где он учился в университете.

П. Булгаков отнюдь не стремился вернуться к служению в церкви – прежде всего потому, что крайне негативно оценивал зарубежные православные общины и духовенство. При этом продолжал писать статьи на церковные темы, вел обширную переписку с редакциями, различными общественными и религиозными организациями; в частности, пытался собрать средства на памятник патриарху Тихону (с которым, кстати, учился в 1884–1888 г. в Петербургской духовной академии на одном курсе [Кривошеева]). Во второй половине 1920-х гг. П. Булгаков работал над большой книгой «Христианство и Япония».

Однако, как и прежде, умственная деятельность не мешала «реальным» делам. 9 ноября 1930 г. П. Булгаков пишет в Польшу брату Михаилу: «Поздравляю тебя с днем твоего Ангела <...> Мое поздравление, вероятно, запоздает. Но причина очень интересна: я строил курятник у себя на дворе и с грязными руками стеснялся садиться за чистую работу. Нам, видишь ли, надоело платить за куриные яйца, и мы решили заняться собственным куроводством. А практика у нас уже есть: в Японии мы имели курятник, причем кур было от 20 до 40 голов. Коли наши предположения оправдаются, то мы будем даже продавать соседям, как это было в Японии».

Эти слова были написаны менее чем за год до кончины автора – Петр Иванович Булгаков умер в Беркли (Калифорния) 10 октября 1931 г. на 70-м году жизни.

Младший сын С. и П. Булгаковых Николай во второй половине 1920-х гг. продолжал жить вместе с родителями. Поработав с отцом на бензоколонке в Окленде, взялся за торговлю радиоприемниками. Но, похоже, у него были другие жизненные планы; в 1929 г. Н. Булгаков отправился в Голливуд.

В конце 1920-х гг. Лос-Анджелес уже был центром киноиндустрии и неразрывно связанных с ней отраслей телевидения, радио, музыки и танцев. Николай часто посещает репетиции в Голливуд-Боуле – одной из главных концертных площадок Лос-Анджелеса, построенной в 1929 г. на Голливудских холмах в виде амфитеатра под открытым небом. Сидя с партитурой на коленях, он наблюдает работу дирижеров. Так родилась

его дружба с Альбертом Глэссером, который служил в Голливуд-Боуле билетером, а в свободное время руководил оркестром, куда собрал коллег-билетеров с музыкальным образованием; позже Глэссер станет профессиональным дирижером.

У Николая пристрастие тоже перешло в профессию: в начале 1930-х гг. он начал зарабатывать на жизнь музыкой, исполняя музыкальные партии в водевилях и играя на великосветских вечерах. В эти же годы Н. Булгаков сменил фамилию на Болин (Nicolai P. Bolin, Nick Bolin) – она имела более «английский» облик, хотя вместе с тем напоявила русские слова «воля» и «боль».

Есть у Николая и своя музыкальная группа – Nicolai Bolin's Trio; в ноябре–декабре 1931 г. музыканты неоднократно выступали на вечерах в престижном зале Arcady Hotel в Лос-Анджелесе (интересно, что в афише 15 ноября 1931 г. после их концерта объявлен доклад философа Б. Рассела «Завоевание счастья»).

Кроме того, Николай зарабатывает на жизнь, служа профессиональным музыкантом, аранжировщиком, руководителем хора, переписчиком нот, преподавателем музыки и дикции, актером в кино и на радио, а также «сайдлайнером» – так называли статистов, которые на экране играли на музыкальных инструментах, однако в фильме их музыка не звучала (использовалась запись, сделанная в студии, подчас другими исполнителями).

Чтобы получать контракты от кинофабрик, музыканты раздавали продюсерам карточки со своими фотографиями и информацией о профессиональных способностях и внешности. Сохранились такие «файлы», сделанные Н. Болином. Из дошедших до нас четырех карточек две относятся к 1930-м гг., а две – к концу 1940-х – началу 1950-х гг.; информация на них большей частью совпадает, различия лишь в дополнениях и уточнениях. Например, записаны внешние данные Николая (имевшие значение для режиссеров и художников): рост – 5 футов 11,5 дюйма; вес – 180 фунтов в 1930-х годах, 190 фунтов в 1950-х; размеры пальто / пиджака – 44; воротника – 17,5; шляпы – 7,5; носков – 12; объем талии – 34 дюйма. Имеется пометка: «смуглый цвет лица, континентальный, цыганский типы». Дается «информация для сайдлайна и звукозаписи»: сказано, что Болин – пианист, руководитель хора / дирижер, аранжировщик и переписчик нот. Перечислены инструменты, на которых он играет: аккордеон, челеста, переносной орган; мандолина и бандолон (для румбы-танго), мандола, мандочелле, гитара; все русские инструменты, в том числе балалайки и домры; венгерская и сербская тамбурицы; большой барабан и клавесин. Отмечено, что Болин преподает вокал и занимался подготовкой хоров. Указываются языки, которыми он владеет: кроме английского – французский, русский и японский.

Сюда же включены фотографии. На одной из них Николай запечатлен в числе шести музыкантов, одетых в черкески и держащих в руках балалайки; подпись: «Оркестр звукозаписи Болина, русская трехструнная балалайка». Снимок сделан 29 октября 1930 г. на киностудии MGM

во время работы над фильмом «Вдохновение» («Inspiration», 1931) с Гретой Гарбо в главной роли. Другая фотография (также с пятью музыкантами) относится к 1938 г. – периоду работы над фильмом «Отель “Империял”» («Hotel Imperial»).

Вплоть до 1970-х гг. Н. Болин исполнял небольшие роли в фильмах и телесериалах: «Расколотые орехи» (1931), «Братья Карамазовы» (1958), «Джонни Ринго» (1959), «Маньчжурский кандидат» (1962) «Негодяи» (эпизод «Проектировщик», 1964), «Дорогая Лили» (1970) «Дочь дьявола» (1973), «Блэкенштейн / Черный Франкенштейн» (1973).

Впрочем, музыка была важнее карьеры актера. Николай выступал не только как исполнитель, но и как композитор. В 1937 г. газета «Лайма Ньюс» (Лайма – город в штате Огайо) сообщает, что пьеса Болина «Казбек» прозвучала в радиопрограмме «Hollywood Hotel». В этой программе обсуждались новые фильмы и музыкальные произведения, поэтому многие начинающие композиторы, сочинители песен и исполнители стремились в нее попасть. В альманахе «Год в американской музыке» (1948) отмечено, что в США пользуются известностью цыганские аранжировки и записи Болина.

Сохранилось письмо Николая от 7 июля 1944 г., в котором он сообщает о смерти своей матери ее брату Д.М. Позднееву и другим родственникам: «Дорогой дядя Митя и все мои братья и сестры. Пользуюсь случаем известить вас всех, что моя мама Софья Матвеевна Булгакова скончалась в октябре 1943 г. в местном госпитале от воспаления легких и осложнений. Костя, мой брат, был при ней. Дело в том, что она очень ослабела за год до кончины, и мы ее перевезли в Los Angeles. Она первая основала в Berkeley, Calif<ornia>, Общество помощи СССР и работала не покладая рук несмотря на преклонный возраст – была председателем. Костя опять вернулся временно в Мексику, где он недавно стал очень успешно разрабатывать собственную копию. Я же по-прежнему продолжаю работать по подготовке музыки (пишу) для кинокартин и радио».

Здесь находим информацию и о старшем «японце» Константине Булгакове (о его эмигрантской жизни сведений весьма мало). Насколько можно понять, он имел в Мексике и, возможно, в США бизнес в добывающей отрасли. В последний период жизни Константин носил фамилию Булак, но когда именно она появилась, неизвестно.

Николай же продолжал писать и исполнять музыку для кино и радио, причем небезуспешно. В 1947 г., в ознаменование 10-летней годовщины со дня смерти Дж. Гершвина, правление Голливуд-Боула объявило среди композиторов конкурс с наградой 1000 долларов. Жюри, в основном состоявшее из дирижеров, композиторов и музыкальных редакторов с Восточного побережья США, получило 67 партитур со всех концов страны. В итоге лучшим было признано сочинение Н. Болина «Калифорнийские зарисовки» («California Sketches»).

В программке Голливуд-Боула опубликована заметка под заголовком «Выпускник Калифорнийского университета из инженера стал му-

зыкантизм. Победитель конкурса Гершвина» – здесь сюита «русского» Болина оценивается как «музыка, бьющая ключом из американской почвы». Кое-что рассказано о самом композиторе: «Родившись в России в музыкальной семье, Болин вырос в артистичной атмосфере; когда семья переехала на Восток, перед ним открылась широкая перспектива музыкального образования». История, несомненно, соответствует формуле «американской мечты» – «из нищеты в богатство»: подчеркивается иностранное происхождение Николая, говорится про грязную работу, которой он был вынужден заниматься, чтобы платить за учебу; а затем – необыкновенный поворот судьбы от скучного инженерного труда к блестящему миру Голливуда: «Музыка Джорджа Гершвина очаровала молодого Болина, это было одной из причин, заставивших его стать музыкантом». В альманахе «Год американской музыки» уточняется, какое именно произведение Гершвина произвело на Болина столь яркое впечатление – это «Рапсодия в стиле блюз для фортепиано с оркестром».

Вечером 12 июля 1947 г. «Калифорнийские зарисовки» исполнялись в Голливуд-Боуле; оркестром дирижировал А. Глэссер, давний друг Николая, ставший теперь дирижером студии «Игл-Лайон». Программа вечера была целиком посвящена Гершвину – звучало также несколько его произведений. Впрочем, в появившейся спустя два дня в газете «Лос-Анджелес Таймс» рецензии некоего А. Гольдберга говорилось, что публики на вечере было очень мало (особенно если учесть популярность Гершвина в США), что произведения Гершвина в целом играли плохо, что к оригинальной музыке добавили слишком много ненужного, и наконец – что в зале была плохая акустика. Единственное не-гершвинское сочинение тоже не понравилось критику: «Среди сплошного Гершвина, как подлинного, так и стилизованного, оркестр под управлением Альберта Глэссера исполнил премированные “Калифорнийские зарисовки” Ника Болина. Может, в период инфляции эта музыка и стоит 1000 долларов, но нам показалось, что аранжировщик попросту смешал запомнившиеся мотивы, подав их в привычной приглаженной оркестровке».

Трудно сказать, отражала ли эта рецензия мнение большинства слушателей. Как бы то ни было, в дальнейшем Николай не достигал подобных успехов и не оказывался в центре внимания прессы. Хотя по-прежнему продолжал писать музыку. Например, в 1968 г. на одном из праздников в Голливуде исполнялся его «Калифорнийский вальс». Кроме упомянутых произведений, Болину принадлежат минимум две классические пьесы: «Цыганская симфония» («Symphonie Tsigane») и «Лос-Анджелесский концерт» («Los Angeles Concerto») для фортепиано с оркестром. В 1939 г. он написал «Кредо» («Creed: for mixed choir»). Кроме того, делал переложения классических мелодий: «Фантазии игрушек» из «Симфонии игрушек» Й. Гайдна / Л. Моцарта (1952) и «Сказки о царе Салтане» Н. Римского-Корсакова (1963, 1981) – к этой опере Болин написал также либретто. Сочинял и песни.

Известно, что в 1960-х гг. Болин преподавал русский язык взрослым в школе им. Дж. Вашингтона. Как указано в рекламе курсов русского языка, работал также «постановщиком диалогов» в кино.

Ник Болин – Николай Петрович Булгаков – умер на 84-м году жизни в одной из голливудских больниц. В журнале «Overture», издававшемся Союзом музыкантов «Local 47», членом которого он состоял, были напечатаны два некролога – один коллективный, другой от друга, Джона Те Груна:

«Кинопродюсер, композитор, дирижер, аранжировщик и исполнитель Николай Болин скончался 18 февраля 1983 г. в больнице после 14 месяцев борьбы с раком. Он был мужественный человек.

Ник писал собственную музыку и делал обработки симфонических произведений. Он снискал славу отличного аранжировщика.

Я был личным другом Ника более 50 лет, и мне, конечно, будет очень его не хватать.

Он покинул старшего брата Константина Булака, живущего в Эль-Пасо, Техас.

Прощай, дорогой друг и большой артист, говорю я от лица многих друзей и коллег-музыкантов».

В свидетельстве о смерти отмечено, что умерший был холостяком. Тело кремировано в Angeles Abbey Crematorium (1515 East Compton Boulevard, Compton, California).

Старший «японец», Константин Булак – Константин Петрович Булгаков – пережил брата на два с половиной года. Он умер 20 октября 1985 г. в Эль-Пасо.

Литература

Булгаков М.А. Дневник. Письма. 1914–1940. М., 1997.

Земская Е.А. Михаил Булгаков и его родные: Семейный портрет. М., 2004.

[*Кисельгоф Т.Н.*] Из семейной хроники Михаила Булгакова // *Паршин Л.К.* Чертовщина в Американском посольстве в Москве, или 13 загадок Михаила Булгакова. М., 1991.

Кривошеева Н.А. «Патриарший курс» // Вестн. православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Сер. 2. 2006. Вып. 2(19).